

Автоматика и телемеханика / Automation and Remote Control
 Агрохимия / Agricultural Chemistry
 Азия и Африка сегодня / Asia and Africa Today
 Акустический журнал / Acoustical Physics
 Астрономический вестник. Исследования Солнечной системы / Solar System Research
 Астрономический журнал / Astronomy Reports
 Биологические мембраны / Membrane and Cell Biology
 Биология внутренних вод / Inland Water Biology
 Биология моря / Russian Journal of Marine Biology
 Биоорганическая химия / Russian Journal of Bioorganic Chemistry
 Биофизика / Biophysics
 Биохимия / Biochemistry (Moscow)
 Ботанический журнал / Botanical Journal
 Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук / Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences
 Вестник древней истории / Journal of Ancient History
 Вестник Российской академии наук / Herald of the Russian Academy of Sciences
 Вестник российской сельскохозяйственной науки / Vestnik of the Russian Agricultural Science
 Водные ресурсы / Water Resources
 Вопросы истории естествознания и техники / Studies in the History of Science and Technology
 Вопросы ихтиологии / Journal of Ichthyology
 Вопросы языкознания / Topics in the Study of Language
 Вулканология и сейсмология / Journal of Volcanology and Seismology
 Высокомолекулярные соединения. Серия А / Polymer Science, Series A
 Высокомолекулярные соединения. Серия Б / Polymer Science, Series B
 Высокомолекулярные соединения. Серия С / Polymer Science, Series C
 Генетика / Russian Journal of Genetics
 Геология рудных месторождений / Geology of Ore Deposits
 Геоматематизм и аэрономия / Geomagnetism and Aeronomy
 Геоморфология и палеогеография / Geomorphology and Paleogeography
 Геотектоника / Geotectonics
 Геохимия / Geochemistry International
 Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геоэкология / Environmental Geoscience
 Государство и право / State and Law
 Дефектоскопия / Russian Journal of Nondestructive Testing
 Дифференциальные уравнения / Differential Equations
 Доклады Российской академии наук. Математика, информатика, процессы управления / Doklady Mathematics
 Доклады Российской академии наук. Науки о жизни / Doklady Biological Sciences
 Доклады Российской академии наук. Науки о Земле / Doklady Earth Sciences
 Доклады Российской академии наук. Физика, технические науки / Doklady Physics
 Доклады Российской академии наук. Химия, науки о материалах / Doklady Chemistry
 Журнал аналитической химии / Journal of Analytical Chemistry
 Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова / I.P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity
 Журнал вычислительной математики и математической физики / Computational Mathematics and Mathematical Physics
 Журнал неорганической химии / Russian Journal of Inorganic Chemistry
 Журнал общей биологии / Journal of General Biology
 Журнал общей химии / Russian Journal of General Chemistry
 Журнал органической химии / Russian Journal of Organic Chemistry
 Журнал прикладной химии / Russian Journal of Applied Chemistry
 Журнал физической химии / Russian Journal of Physical Chemistry
 Журнал эволюционной биохимии и физиологии / Journal of Evolutionary Biochemistry and Physiology
 Журнал экспериментальной и теоретической физики / Journal of Experimental and Theoretical Physics
 Записки Российского минералогического общества / Zapiski of the Russian Mineralogical Society
 Зоологический журнал / Russian Journal of Zoology
 Известия Российской академии наук. Механика жидкости и газа / Fluid Dynamics
 Известия Российской академии наук. Механика твердого тела / Mechanics of Solids
 Известия Российской академии наук. Серия биологическая / Biology Bulletin
 Известия Российской академии наук. Серия географическая / Bulletin of the RAS. Geography
 Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка / The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language
 Известия Российской академии наук. Серия физическая / Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Physics
 Известия Российской академии наук. Теория и системы управления / Journal of Computer and System Sciences International
 Известия Российской академии наук. Физика атмосферы и океана / Izvestiya, Atmospheric and Oceanic Physics
 Известия Российской академии наук. Энергетика / Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Energetics
 Известия Русского географического общества / Bulletin of the Russian Geographical Society
 Исследование Земли из космоса / Earth Research from Space
 Кинетика и катализ / Kinetics and Catalysis
 Коллоидный журнал / Colloid Journal
 Координационная химия / Russian Journal of Coordination Chemistry
 Космические исследования / Cosmic Research

Кристаллография / Crystallography Reports
 Латинская Америка / Latin America
 Лёд и Снег / Ice and Snow
 Лесоведение / Forest Science
 Литология и полезные ископаемые / Lithology and Mineral Resources
 Мембраны и мембранные технологии / Membranes and Membrane Technologies
 Металлы / Russian Metallurgy
 Микология и фитопатология / Mycology and Phytopathology
 Микробиология / Microbiology
 Микроэлектроника / Russian Microelectronics
 Молекулярная биология / Molecular Biology
 Нейрохимия / Neurochemical Journal
 Неорганические материалы / Inorganic Materials
 Нефтехимия / Petroleum Chemistry
 Новая и новейшая история / Modern and Contemporary History
 Общественные науки и современность / Social Sciences and Contemporary World
 Общество и экономика / Society and Economics
 Океанология / Oceanology
 Онтогенез / Russian Journal of Developmental Biology
 Палеонтологический журнал / Paleontological Journal
 Паразитология / Parasitology
 Петрология / Petrology
 Письма в Астрономический журнал / Astronomy Letters
 Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики / JETP Letters (Journal of Experimental and Theoretical Physics Letters)
 Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования / Journal of Surface Investigation. X-Ray, Synchrotron and Neutron Techniques
 Почвоведение / Eurasian Soil Science
 Приборы и техника эксперимента / Instruments and Experimental Techniques
 Прикладная биохимия и микробиология / Applied Biochemistry and Microbiology
 Прикладная математика и механика / Journal of Applied Mathematics and Mechanics
 Проблемы Дальнего Востока / Far Eastern Studies
 Проблемы машиностроения и надежности машин / Journal of Machinery Manufacture and Reliability
 Проблемы передачи информации / Problems of Information Transmission
 Программирование / Programming and Computer Software
 Психологический журнал / Psychological Journal
 Радиационная биология. Радиоэкология / Radiation Biology. Radioecology
 Радиотехника и электроника / Journal of Communications Technology and Electronics
 Радиохимия / Radiochemistry
 Расплавы / Melts
 Растительные ресурсы / Vegetation Resources
 Российская археология / Russian Archaeology
 Российская история / Russian History
 Российская сельскохозяйственная наука / Russian Agricultural Sciences
 Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова / Russian Journal of Physiology
 Русская литература / Russian Literature
 Русская речь / Russian Speech
 Сенсорные системы / Sensory Systems
 Славяноведение / Slavic Studies
 Современная Европа / Contemporary Europe
 Социологические исследования / Sociological Studies
 Стратиграфия. Геологическая корреляция / Stratigraphy and Geological Correlation
 США & Канада: экономика, политика, культура / USA & Canada: Economics, Politics, Culture
 Теоретические основы химической технологии / Theoretical Foundations of Chemical Engineering
 Теплофизика высоких температур / High Temperature
 Успехи современной биологии / Advances in Current Biology
 Успехи физиологических наук / Progress in Physiological Science
 Физика Земли / Izvestiya, Physics of the Solid Earth
 Физика и химия стекла / Glass Physics and Chemistry
 Физика металлов и металловедение / Physics of Metals and Metallography
 Физика плазмы / Plasma Physics Reports
 Физикохимия поверхности и защита материалов / Protection of Metals and Physical Chemistry of Surfaces
 Физиология растений / Russian Journal of Plant Physiology
 Физиология человека / Human Physiology
 Химическая физика / Advances in Chemical Physics
 Химия высоких энергий / High Energy Chemistry
 Химия твердого топлива / Solid Fuel Chemistry
 Цитология / Cell and Tissue Biology
 Человек / The Human Being
 Экология / Russian Journal of Ecology
 Экономика и математические методы / Economics and Mathematical Methods
 Электрохимия / Russian Journal of Electrochemistry
 Энтомологическое обозрение / Entomological Review
 Этнографическое обозрение / Ethnographic Review
 Ядерная физика / Physics of Atomic Nuclei

ОБЩЕСТВО

и ЭКОНОМИКА

SOCIETY and ECONOMICS

Российская Академия Наук

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА / SOCIETY AND ECONOMICS

Международный научный
и общественно-политический журнал

2026, № 3-4

ISSN 0207-3676 (Print)
ISSN 3034-5987 (Online)

Выходит 12 раз в год.

Главный редактор Е.Б. Ленчук

Редакционная коллегия

А.Г. Алирзаев (Азербайджан), *Е.М. Бабосов* (Беларусь),
М.Ю. Головин (Российская Федерация),
Р.И. Джабиев (Азербайджан), *И.С. Иванов* (Российская Федерация),
С.В. Калашников (Российская Федерация),
Н.К. Каюмов (Таджикистан), *Т.К. Койчуев* (Кыргызстан),
А.В. Кузнецов (Российская Федерация), *А.Д. Некипелов* (Российская Федерация),
П.Г. Никитенко (Беларусь),
И.А. Николаев (зам. гл. редактора, Российская Федерация),
Б.Н. Порфирьев (Российская Федерация), *А.Ф. Расулев* (Узбекистан),
А.Н. Рошка (Молдова), *О. Сабден* (Казахстан),
В.Л. Соколин (Российская Федерация),
А.А. Широ (Российская Федерация)

Москва

ФГБУ «Издательство «Наука»

Адрес редакции: 117218, г. Москва,
Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.
Тел. +7(499)-128-79-16

E-mail: oiе@pran.ru, socpol@mail.ru

Сайт: <http://oieras.ru>

Российская Академия Наук

OBSHCHESTVO I EKONOMIKA / SOCIETY AND ECONOMICS

International scientific and socio-political journal

2026, № 3-4

ISSN 0207-3676 (Print)
ISSN 3034-5987 (Online)

Published 12 times a year.

Editor-in-Chief Elena B. Lenchuk

Editorial board

A.G. Alirzaev (Azerbaijan), *E.M. Babosov* (Belarus),
M.Yu. Golovnin (Russian Federation), *R.I. Dzhabiev* (Azerbaijan),
I.S. Ivanov (Russian Federation), *S.V. Kalashnikov* (Russian Federation),
N.K. Kayumov (Tajikistan), *T.K. Koychuev* (Kyrgyzstan),
A.V. Kuznetsov (Russian Federation), *A.D. Nekipelov* (Russian Federation),
P.G. Nikitenko (Belarus),
I.A. Nikolaev (deputy editor-in-chief, Russian Federation),
B.N. Porfiryev (Russian Federation), *A.F. Rasulev* (Uzbekistan),
A.N. Rosca (Moldova), *O. Sabden* (Kazakhstan),
V.L. Sokolin (Russian Federation), *A.A. Shirov* (Russian Federation)

Moscow
Nauka Publishers

Editorial office: 117218, Moscow, Nakhimovsky prospect, 32, office 1027
Tel.: +7(499)-128-79-16
E-mail: oiie@pran.ru, socpol@mail.ru
Website: <http://oieras.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы теории

Залоговые аукционы 1995 года 30 лет спустя: критический макроэкономический и институциональный анализ (часть 1) <i>И.В. Костиков</i>	5
Академик А.И. Анчишкин: от совершенствования методологии социально-экономического прогнозирования до преобразования предмета политэкономии <i>И.Э. Фролов</i>	22
Теория и практика таргетирования инфляции: «за» и «против» <i>М.Р. Бобоев, Е.А. Скобликов</i>	42
Креативные индустрии: международные сравнения и российская траектория развития <i>И.В. Логунцова</i>	60

Вопросы экономической политики

Формирование контрактов жизненного цикла в авиационной отрасли: методические подходы <i>П.М. Володина</i>	82
--	----

Вопросы социальной сферы

Баланс семьи и работы в российской семье: вчера, сегодня, завтра <i>М.Е. Баскакова</i>	103
Анализ влияния структуры населения на динамику численности пенсионеров в Румынии <i>В. Лукиан</i>	118

Мировая экономика

ЕАЭС в трансформирующейся системе регионализации глобальной экономики <i>Б.А. Хейфец</i>	137
Россия в глобальных цепочках создания стоимости: тенденции, проблемы, перспективы <i>И.Г. Романов</i>	153
Экономическое сотрудничество России со странами Северной Африки: проблемы и перспективы <i>И.А. Балюк</i>	165
ЕАЭС в Латино-Карибской Америке: проблемы и возможности для трансграничного партнерства <i>В.А. Чмырева</i>	182
Российско-туркменское сотрудничество в газовом комплексе в период трансформации международного энергетического рынка: проблемы и перспективы развития <i>А.С. Качелин</i>	200

CONTENTS

Theoretical Economics

The 1995 Collateral Auctions 30 Years Later: a Critical Macroeconomic and Institutional Analysis (Part 1)	
<i>I.V. Kostikov</i>	5
Academician A.I. Anchishkin: from Improving the Methodology of Socio-economic Forecasting to the Transformation of the Subject Matter of Political Economy	
<i>I.E. Frolov</i>	22
Inflation Targeting Theory and Practice: Pros and Cons	
<i>M.R. Boboev, Ye.A. Skoblikov</i>	42
Creative Industries: International Comparisons and the Russian Development Trajectory	
<i>I.V. Loguntsova</i>	60

Economic Policy

Developing Life Cycle Contracts in Aircraft Industry: Methodological Approaches	
<i>P.M. Volodina</i>	82

Social Issues

Balance of Family and Work in Russian Family: Yesterday, Today, Tomorrow	
<i>M.E. Baskakova</i>	103
Analysis of the Impact of Population Structure on the Dynamics of the Number of Pensioners in Romania	
<i>V. Luchian</i>	118

World Economy

The EAEU in the Transforming System of Global Economy Regionalization	
<i>B.A. Kheyfets</i>	137
Russia in Global Value Chains: Trends, Problems and Prospects	
<i>I.G. Romanov</i>	153
Economic Cooperation Between Russia and North African Countries: Problems and Prospects	
<i>I.A. Balyuk</i>	165
The Eurasian Economic Union in the Latin American and Caribbean Region: Challenges and Opportunities for Cross-Border Partnership	
<i>V.A. Chmyreva</i>	182
Russian-Turkmen Cooperation in the Gas Sector During the Transformation of the International Energy Market: Problems and Prospects for Development	
<i>A.S. Kachelin</i>	200

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.7868/S3034598726030017

УДК 338.22.01

Залоговые аукционы 1995 года 30 лет спустя: критический макроэкономический и институциональный анализ (часть 1)¹

И.В. Костиков

*Национальный институт финансовых рынков и управления,
Москва, Российская Федерация
E-mail: ikostikov@yahoo.com*

Аннотация. Настоящая статья представляет собой первую часть всестороннего теоретико-аналитического разбора залоговых аукционов 1995 г. в России как показательного случая институционального провала приватизационных реформ. Опираясь на классические и современные концепции новой институциональной экономики, автор доказывает, что российская приватизация 1990-х годов потерпела системный крах из-за отсутствия последовательного развития институтов защиты прав собственности, конкуренции и судебной независимости. В работе подробно анализируются механизмы извлечения ренты, вывода активов, «захвата государства», «эффект колеи», а также долгосрочные социальные, экономические и корпоративные последствия реформ. Особое внимание уделяется выявлению структурных ошибок российской модели и формулированию рекомендаций для будущих институциональных преобразований.

Ключевые слова: залоговые аукционы, приватизация, институциональная экономика, права собственности, извлечение ренты, вывод активов, «захват государства», эффект колеи, олигархия, неравенство, Россия

Финансирование. Исследование проведено без дополнительного финансирования.

Ссылка для цитирования: Костиков И.В. Залоговые аукционы 1995 года 30 лет спустя: критический макроэкономический и институциональный анализ. (часть 1) *Общество и экономика / Society and Economics*. 2026. № 3–4. С. 5–21. <https://www.doi.org/10.7868/S3034598726030017>

DOI: 10.7868/S3034598726030017

The 1995 Collateral Auctions 30 Years Later: a Critical Macroeconomic and Institutional Analysis (Part 1)

I.V. Kostikov

National Institute of Financial Markets and Governance, Moscow, Russian Federation

E-mail: ikostikov@yahoo.com

Abstract. This article presents the first part of a comprehensive theoretical and analytical examination of the 1995 loans-for-shares auctions in Russia as a key case of institutional failure in privatization reforms. Drawing on classical and contemporary concepts of new institutional economics, the author demonstrates that Russian privatization in the 1990s suffered a systemic collapse caused by the lack of consistent development of institutions protecting property rights, competition, and judicial independence. The work analyzes in detail the mechanisms of rent-seeking, asset stripping, state capture, and path dependence, as well as the long-term social, economic, and corporate consequences of the reforms. Particular attention is paid to identification of structural errors in the Russian model, and formulation of recommendations for future institutional transformations.

Keywords: loans-for-shares auctions, privatization, institutional economics, property rights, rent extraction, asset stripping, state capture, path dependence, oligarchy, inequality, Russia

Funding. This study was not supported by any external sources of funding.

For Citation: Kostikov I.V. The 1995 Collateral Auctions 30 Years Later: a Critical Macroeconomic and Institutional Analysis. (Part 1). *Obshchestvo i Ekonomika / Society and Economics*. 2026;(3–4):5–21. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.7868/S3034598726030017>

Теоретико-методологические основы: институты собственности и экономическая эволюция. Залоговые аукционы 1995 г. в России представляют собой феноменальный пример того, как приватизация стратегических активов, будучи реализована при отсутствии развитых институтов, приводит к институциональному и экономическому провалу. Роль институтов собственности, механизмов защиты прав, качества правовой среды и конкуренции была грубо проигнорирована, вследствие чего реальные стимулы перехода к современной рыночной экономике надолго исчезли с повестки дня экономической политики.

Российская приватизация переходного периода регулярно рассматривается ведущими теоретиками — от О. Вильямсона, Д. Норта до Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона — как пример деградации системы собственности из-за несоблюдения ключевых институциональных принципов [69, 52, 25]. На примере залоговых аукционов становится очевидным, каким образом теоретические заблуждения и политическая конъюнктура могут привести к долговременной институциональной стагнации, извлечению ренты, выводу активов и «захвату государства» (state capture).

Данная работа посвящена критическому анализу теоретических основ, эмпирических закономерностей, динамики последствий и сравнительных итогов реформ с позиций современной институциональной и макроэкономической науки. Основной акцент сделан на теоретической критике самой модели приватизации, анализе механизмов неэффективности, институционального «провала», разбалансировки стимулов и долговременной потери легитимности перехода к рынку.

Приватизация как институциональный процесс. Современная теория приватизации основана на фундаментальных работах Р. Коуза, Д. Норта, О. Вильямсона, Г. Демсеца, Т. Эггертссона, У. Меггинсона, Д. Аджемоглу, Д. Родрика и др.: частная собственность приобретает экономическое значение только там, где функционируют эффективные институты защиты прав, есть конкуренция, судебная система и государство, которое гарантирует исполнение контрактов [32, 52, 35, 23, 51, 25, 57]. Без институтов собственность обращается в инструмент извлечения ренты (rent-seeking), выведения капитала за рубеж (asset stripping) и укрепления административных групп.

Р. Коуз, развивая теорию транзакционных издержек, подчеркивал: распределение ресурсов не становится оптимальным, если расходы на защиту и реализацию прав собственности превышают возможные выгоды или если права «размыты» [33]; Д. Норт указал, что отсутствие эволюции институтов превращает формальную частную собственность в фикцию [52]. В российских аукционах не возникло гарантии прав, отсутствовала конкуренция, судебная система не была независимой, а регуляторы — инструментальными.

Предпосылки и макроэкономический контекст. Залоговые аукционы 1995 г. явились не стихийным событием, но логическим следствием особого сочетания макроэкономического давления, слабости государственных институтов и политической необходимости консолидации власти в условиях неопределенности. К концу 1995 г. Российская Федерация столкнулась с критическим бюджетным дефицитом, который достиг практически 10% ВВП на фоне постоянного сокращения налоговых поступлений и растущих расходов на обслуживание внешнего

долга. В условиях отсутствия сформировавшихся институтов защиты прав собственности макроэкономический шок неизбежно трансформируется в механизм перераспределения активов в пользу групп с наибольшим административным ресурсом [26].

К моменту разработки схемы залоговых аукционов ваучерная приватизация (1992–1994 гг.) завершилась с противоречивыми результатами. Формально, согласно данным Госкомстата, 57,9% рабочей силы (включая 76% промышленных рабочих) работали в приватизированных или частных фирмах. Однако структурное содержание этой трансформации не соответствовало цели создания класса реальных собственников, ориентированных на эффективное использование ресурсов. Вместо этого возникла система, в которой подавляющее большинство приватизированных предприятий осталось под контролем инсайдеров (менеджеров и работников), чьи стимулы были сориентированы не на долгосрочные инвестиции, а на максимизацию немедленной отдачи и избегание социальной конфликтности [50].

Ключевой институциональный дефект ваучерной приватизации заключался, согласно анализу Макфола и подтвержденным данным OECD, в отсутствие одновременного развития корпоративного управления и судебных механизмов защиты прав собственности. К середине 1994 г. среднее государственное владение снизилось до 38% по всем промышленным фирмам, однако реальные процедуры контроля и использования активов остались структурно неопределенными. Это создало условия для развития того, что называют «институциональной ловушкой приватизации»: формальная передача прав собственности произошла без механизмов их реальной защиты и реализации [50, 26].

Политическая ситуация 1995 г. усиливала давление на государство. Выборы президента 1996 г. создавали неопределенность относительно переизбрания Б.Н. Ельцина, что, в свою очередь, мотивировало перераспределение контроля над стратегическими активами в пользу групп, готовых оказать ему финансовую и политическую поддержку. Этот процесс может служить иллюстрацией механизма, описанного в теории «захвата государства» (state capture): политически уязвимое государство стремится расширить сторонников среди крупного бизнеса путем предоставления им контроля над высокоприбыльными активами в обмен на финансирование и лояльность с их стороны [43].

Схема залоговых аукционов: формальная архитектура и функциональное содержание. Залоговые аукционы представляли собой финансовый механизм, в котором государство якобы брало краткосрочные кредиты у коммерческих банков, предоставляя им как залог крупные пакеты акций стратегических государственных предприятий. Согласно формальной схеме, в случае невозврата кредита в установленный срок (как правило, в конце 1995 г.) залоговые пакеты переходили в собственность кредиторов. Особенностью этого механизма было то, что государство не планировало и вообще не имело намерения возвращать кредиты; вместо этого аукционы являлись прикрытием для трансформации государственной собственности в частную посредством серии сделок, которые должны были помочь избежать открытой политической борьбы и демонстрировать видимость рыночного процесса [4, 5].

Инициатор схемы – Владимир Потанин, президент «ОНЭКСИМ-банка» – предложил ее как решение проблемы одновременного финансирования дефицита бюджета и контролируемого перераспределения собственности. Механизм получил политическую поддержку Анатолия Чубайса (первый вице-премьер) и был формализован через указы Президента и распоряжения Госкомимущества под руководством Альфреда Коха. Участие западных консультантов, в особенности Андрея Шлейфера (Harvard Institute for International Development) и его коллег, проявилось в разработке правовых форм аукционов и обоснования их соответствия рыночным принципам приватизации [2]. Однако, как впоследствии установило американское судебное разбирательство (US v. Harvard, 2004), Шлейфер и его коллега Джонатан Хей самостоятельно инвестировали в российские активы во время осуществления государственного контракта, что создало конфликт интересов. Это подорвало моральный авторитет проекта и деморализовало западное экспертное сообщество относительно роли рекомендаций в трансформационных экономиках [45].

Всего с ноября по декабрь 1995 г. было проведено 12 основных аукционов залоговых пакетов. Объем передаваемой государством собственности соответствовал суммарной капитализации наиболее прибыльных секторов экономики – нефтегазовой сферы, черной и цветной металлургии, электроэнергетики. Ключевые объекты включали «Норильский никель» (51% пакета), «ЮКОС» (78,5% обыкновенных акций), «Сибнефть» (51%), «Сургутнефтегаз», «Лукойл», «Сиданко», а также энергогенерирующие компании. При этом государство номинально получило кредиты в сумме ~900 млн долл., что составило менее 2% от доходной части федерального бюджета на 1995 г. и было несоизмеримо меньше реальной стоимости передаваемых активов [7, 5].

Анализ конкурентности и прозрачности процесса. Элемент, квалифицируемый в классической теории приватизации как «конкурентный отбор собственников», в российских залоговых аукционах был редуцирован до минимума. Анализ Счетной палаты РФ (2004) и исследования независимых аналитиков показывают, что финансовые учреждения, выступившие участниками аукционов, не являлись независимыми агентами рынка. Напротив, «ОНЭКСИМ-банк», лидировавший в процессе, одновременно создавал консорциумы других банков и курировал соответствующих финансовых посредников, обеспечивая их участие и предопределяя исходы торгов. Формально каждый аукцион проводился с участием нескольких претендентов, но реальная конкуренция отсутствовала в силу того, что основные участники были связаны с архитекторами процесса неформальными договоренностями и административными каналами [5].

Ценообразование на аукционах демонстрировало фундаментальное отклонение от рыночных принципов. Впоследствии, при перепродаже части активов на открытых рынках, реальная стоимость пакетов оказывалась в 5–10 раз выше первоначальных цен залоговых аукционов. Например, 51% «Сибнефти», приобретенные «ОНЭКСИМ-банком» за 100,3 млн долл. США в 1995 г., к 2003 г. были оценены в диапазоне 5–8 млрд долл. США при продаже Газпромом за 13,1 млрд долл. США. Эта разница не отражала стоимостное увеличение

активов (производственные мощности и ресурсная база оставались сопоставимы), но указывала на систематическое занижение стартовых цен в целях ускорения передачи собственности узкому кругу лиц с минимальной конкуренцией [10].

Непрозрачность процесса проявилась также в отсутствии опубликованных критериев отбора участников, независимого аудита и открытого доступа к информации о ставках и торгах. Государственные органы не осуществили фундаментальный анализ стоимости активов перед аукционами, не привлекли квалифицированных независимых оценщиков и не создали механизмы контроля за справедливостью процедур. Таким образом, схема демонстрировала все признаки того, что можно назвать «процедурной фикцией» – формально структурированным процессом, фактически служившим инструментом администрирования перераспределения собственности [8].

Парадокс «шоковой терапии» и крушение формулы «быстрого рынка». Доктрина «шоковой терапии», навязывавшаяся России как условие макроэкономической стабилизации, оказалась несовместимой с реальной способностью институтов выдерживать давление. Исследования Дж. Джонсон, Дж. Стиглица и других показывают: в странах с низким уровнем доверия, слабым законодательством и высокой коррупцией «рыночный шок» неизменно приводит к перерождению институтов в механизмы извлечения административной и кастовой ренты – в ущерб открытой конкуренции и инновациям [47, 67, 44, 70]. Анализ макропараметров российской приватизации однозначно подтверждает: формально быстрый переход обеспечил уникально высокую концентрацию собственности (капитализация топ-20 бизнес-групп России превышала аналогичные показатели Центральной Европы за 5 лет в 5–7 раз) при одновременной стагнации реальных инвестиций [40, 31, 63, 28, 65].

Одним из прямых следствий залоговых аукционов стало углубление механизмов извлечения административной ренты (rent-seeking) в сочетании с масштабным выводом активов (asset stripping). Хотя эти процессы и наблюдались в ходе ваучерной приватизации, залоговые аукционы придали им системный и масштабный характер, сосредоточив контроль над активами в руках финансовых группировок с прямым доступом к государственной власти.

Г. Демсец и Т. Эггертссон вывели парадокс: частная собственность без механизмов защиты и оборота неизбежно способствует выбору стратегии rent-seeking [35, 23]. В России после залоговых аукционов собственники стремились не к инвестициям, а к максимизации быстрой отдачи, уходу в офшоры, размыванию корпоративной структуры. Возникла институциональная «ловушка» приватизации, когда обмен собственности происходил без реальных механизмов ее использования и защиты [21].

Теоретико-аналитическая реконструкция приватизационного провала. Современная институциональная наука утверждает: не существует «универсального рецепта» приватизации – каждый успешный случай трансформации собственности базируется на встроенности в культуру права, готовность судебных и административных институтов защищать права участников, а также на глубокой

исторической синергии экономических стимулов и социального порядка [51, 57, 41]. В России разрыв между топ-менеджерами приватизированных предприятий (новыми бенефициарами) и населением оказался фундаментальным: приватизация стала административным волюнтаризмом, а не процедурой создания общественного консенсуса по «новому рынку» [15].

Российская приватизация не была чисто экономическим механизмом — это феномен социального, правового и культурного разрыва, по сути «институциональной революции наоборот». Основная ошибка периода заключалась в пренебрежении к институциональному фундаменту собственности: советская система не только «репрессировала» альтернативные формы собственности, но и блокировала традицию корпоративного и правового роста. Переход к рыночной экономике требовал комплексных механизмов защиты имущественных и корпоративных прав, внедрения процедур независимого регулирования и развития публичной конкуренции [14, 11].

Однако ни одна из этих задач не была реализована на старте реформ. Смена собственника происходила в атмосфере правовой неопределенности и отсутствия культуры институционального доверия. Государство не смогло — а часто открыто не желало — построить арбитраж. Право собственности стало функцией административного доступа и индивидуальных связей, а не результатом рыночной конкуренции и предпринимательской деятельности.

«Эффект колеи» (path dependence) и институциональный механизм самовоспроизведения провалов. Институциональный механизм самовоспроизведения провалов проявился в «эффекте колеи». Феномен зависимости от предшествующего развития, или «path dependence» (П. Дэвид, П. Пирсон, Д. Норт), не ограничивается культурно-историческим объяснением: это системное закрепление выгод для тех групп, что выиграли на старте приватизации. Формула «победитель получает все» стала ключевой: на каждом следующем этапе реформ закреплялись архитекторы первой волны («новые владельцы» — «старые элиты»), все попытки перестройки институтов носили вынужденный, реактивный характер и чаще всего блокировались именно интересантами первоначального механизма перераспределения [23, 56, 52].

Такой сценарий обрекает общество на циклическое возвращение к теме «пересмотра итогов приватизации». Не имея универсализированных процедур обратимости решений, правовых механизмов ревизии спорных сделок и судебных гарантий справедливости, общество сталкивается с постоянным конфликтом между интересами развития и необходимостью поддерживать статус-кво, выгодный победителям «первого раунда».

Извлечение ренты и вывод активов: институционализирующая неэффективность. Особенность приватизации в России — системное доминирование извлечения ренты (rent-seeking) над любыми формами предпринимательства. Рентная экономика возникает там, где государственный контроль (в широком смысле) может быть монетизирован: где выгоднее лоббировать тариф, квоту, лицензию, налоговую схему, чем разрабатывать продукт или вкладываться в инфраструктуру [47, 68].

Вывод активов (asset stripping) приобрел массовый характер. Согласно исследованиям, проведенным IMF и EBRD в конце 1990-х гг., вывоз капиталов

из России в период 1995–2001 гг. составил в среднем 15–20 млрд долл. США ежегодно, или около 5% ВВП. Эта цифра отражала не только экспорт первичного капитала, но и систематический процесс интернализации прибыльности приватизированных предприятий через офшорные структуры, фиктивные экспортные операции и схемы искусственного завышения затрат на импортные услуги. Практика, известная как «трансфертное ценообразование», позволяла новым собственникам минимизировать налоговую базу в России при одновременной аккумуляции доходов в юрисдикциях с низким налогообложением (на Кипре, в Люксембурге и прочих офшорах) [44].

Вывод активов осуществлялся через несколько каналов. Во-первых, путем дивидендных выплат, которые акционеры немедленно переводили за рубеж; во-вторых, через создание холдинговых структур, которые аккумулировали прибыль в иностранных юрисдикциях; в-третьих, посредством манипуляций с внутригрупповым ценообразованием, при которых российские операционные компании продавали ресурсы и продукцию связанным иностранным торговым фирмам по ценам ниже мировых котировок. В результате основная часть создаваемой добавленной стоимости аккумулировалась вне России [44].

Параллельно с вывозом капитала наблюдалось замораживание производственных инвестиций. Крупнейшие компании нефтегазового сектора, получившие контроль над залоговыми пакетами, не осуществили масштабных программ модернизации производства, разработки новых месторождений или технологического развития. Вместо этого они сосредоточились на максимизации текущих потоков денежных средств и их экспорте. Инвестиции в основной капитал в этих секторах сократились на 30–40% в реальном выражении в период 1996–2000 гг., что контрастировало с поведением компаний в странах Центральной Европы, где новые собственники инициировали масштабные программы рекапитализации [29, 14, 48, 44].

Результаты международных эмпирических исследований фиксируют, что в секторах, переданных в собственность через залоговые аукционы, даже при краткосрочном росте прибыли отмечались падение производительности труда, стагнация технологического обновления и ухудшение социального климата [66, 58, 59, 36].

«Захват государства»: формирование олигархической системы и концентрация собственности. Залоговые аукционы привели к беспрецедентной по масштабам концентрации собственности. К концу 1996 г. наиболее прибыльные и стратегические активы оказались под контролем не более чем 15–20 финансово-промышленных групп, возглавляемых лицами, близко связанными с политической элитой. Капитализация этих групп, согласно расчетам Всемирного банка и OECD, превышала аналогичные показатели для сопоставимых бизнес-группировок в Центральной Европе (Чехия, Венгрия, Польша) в 5–7 раз, несмотря на сопоставимые масштабы трансформируемых экономик [26].

Образованная структура была принципиально отличной от олигархии, возникшей в результате ваучерной приватизации. Если в первом случае собственность распределялась более широко среди менеджеров и работников (пусть и без реальных прав контроля), то в результате залоговых аукционов собственность была передана узкому кругу банкиров и бизнесменов с наиболее сильными связями

с государством. Эта модель конструктивно соответствовала механизму «захвата государства» (state capture): небольшая группа экономических агентов получила прямой и исключительный доступ к формированию правил, определяющих функционирование экономики и распределение ресурсов [55].

Захват государства (state capture) как институциональный конструкт — формализованная подмена публичных институтов системой частных договоренностей между властью и крупным бизнесом, защищающих частные интересы за счет всего общества. Российский пример уникален по масштабу: приватизация создала новую корпоративную «аристократию», при которой системы контроля (в том числе над судами и регуляторами) эволюционировали в сторону, благоприятную лишь для ограниченного круга участников. Доминирующие финансово-промышленные группы включали «ОНЭКСИМ-банк» с его сетью компаний (контроль над «Норильским никелем», энергопроизводством); «Альфа-Группу» (контроль над «ЮКОСом», нефтеэкспортом); группу «лукойловских» интересов; объединения, контролировавшие «Газпром», и др. Каждая из этих групп выстраивала вертикально интегрированные структуры, в которых производственные компании подчинялись финансовым холдингам, а последние сосредоточивались на оптимизации налоговых схем, взаимодействии с государственными органами и лоббировании благоприятного нормативно-правового регулирования [19, 20].

Создание закрытых корпораций, манипулирование рынком слияний и поглощений, контроль за финансовыми потоками бюджета, доступ к секретной информации и политическая активность в процессе реформ — все это превратилось не в инструмент развития, а в стратегию выживания и накопления ренты [43, 24, 15].

Социальные последствия: неравенство, инвестиционная стагнация, девальвация доверия. Одной из наиболее драматичных проблем приватизации стал взрывной рост неравенства. Российское общество за 1990—2010-е гг. столкнулось с беспрецедентным разрывом в доходах, в доступе к инвестициям и социальной инфраструктуре. Система приватизации не только перераспределила активы, но и нивелировала легитимность частной собственности, превратив ее в аналог «государственного титула» для немногих избранных [11, 15, 14].

Это породило масштабное снижение доверия к реформам и постепенное бегство капитала — сначала физического, затем человеческого (от эмиграции специалистов до бегства инноваторов в частный сектор и за границу). Институциональный транзит остался незавершенным, а рыночные стимулы были извращены до предела [53].

Дефицит одновременного развития корпоративного управления и независимого правосудия. Критический дефект в структуре залоговых аукционов заключался в том, что передача контроля над активами произошла в отсутствие параллельного развития институтов корпоративного управления и судебной защиты прав собственности меньшинства акционеров. Цифры из EBRD/World Bank Survey (1999) демонстрируют, что 75% российских фирм не доверяли судебной системе в защите своих прав собственности и контрактов. В сравнении со странами Центральной Европы этот показатель был в 2—3 раза выше, что указывало на структурное отличие институциональной среды [44].

В практическом плане это означало, что любой акционер, обладающий контролем, мог безопасно осуществлять «туннелирование» активов (выведение стоимости из компании в пользу связанных структур) без риска судебного преследования. Система корпоративного управления, которая была введена в российское законодательство в 1995–1996 гг. в результате рекомендаций западных консультантов, осталась формальной и практически неработающей. Советы директоров не имели реальной независимости, аудиты были формальными процедурами, а миноритарные акционеры не располагали эффективными механизмами правовой защиты [50].

Государство, несмотря на номинальное сохранение некоторых долей стратегических предприятий, утратило реальный контроль над их управлением. Попытки государственных органов вмешиваться в принимаемые новыми собственниками решения встречали организованное сопротивление, поскольку новые собственники располагали достаточным политическим влиянием для блокирования любых неблагоприятных для них государственных действий. Таким образом, реализовался сценарий «полного захвата государства»: те же институты, которые должны были обеспечивать выполнение контрактов и защиту прав собственности, стали инструментом в руках приватизаторов для защиты их групповых интересов от остального общества [55].

Корпоративная борьба за административные преференции и ресурс распределения. Аналитика микроконфликтов внутри отраслевых групп показывает, что приоритетом для каждого крупного собственника была не рыночная экспансия, а закрепление контактов с федеральными и региональными чиновниками, контроль над лицензионно-экспортной политикой, распределение льгот, субсидий, специальных инвестиционных квот и доступ к «длинным бюджетным деньгам». Это стимулировало картелизацию рынка, снижало прозрачность и блокировало любые горизонтальные инвестпроекты [22, 15].

Структурная модель рынка 2000-х гг. такова: три-четыре «семьи»/корпорации в каждой отрасли контролируют ключевые процессы ценообразования, административных разрешений и финальных дивидендов, выталкивая независимый капитал и инновационные стартапы в «третьесортную» нишу.

Показательно, что воздействие приватизационных процессов по сей день формирует региональные, культурные и ментальные барьеры для расширения настоящего среднего бизнеса. В регионах «старого советского производства» местные элиты контролируют доступ к инфраструктуре, рынку труда, инвестиционному климату, а попытки открыть независимый бизнес наталкиваются на комплекс разрешительных, контролирующих и налоговых барьеров.

На отраслевом уровне отмечается следующее. После аукционной приватизации наиболее прибыльные сферы экономики не только остались под административным контролем, но и получили максимальную институциональную защиту от конкуренции. Локализация ключевых потоков (экспортные квоты, стратегические налоги, лицензии, контроль за нефтеналивной и трубопроводной инфраструктурой) позволила финансово-промышленным группам (ФПГ) монополизировать как экономические, так и политические ресурсы. Количество

реальных решений о доступе к ресурсам определялось не рынком, а бюрократическим и силовым патронажем [18].

Нефтегазовый сектор демонстрирует структуру «клановой ренты» и минимизацию крупномасштабных инновационных программ.

Крупные металлургические гиганты («Норильский никель», «Северсталь», «Мечел») сформировали кланово-групповые модели управления, в которых мотив роста сменился мотивом сохранения контроля. Инвестиции осуществлялись по принципу минимизации технологических и социальных затрат, а появление новых игроков было практически заблокировано силой административных связей и монополизации рынка [22].

Индустрия банков стала не «мешком для длинных денег», а частью схем перекредитования, фиктивных экспортно-импортных операций, вывода выручки и расщепления рисков. Отсутствие развитого инструментария проектного финансирования и публичных биржевых механизмов лишило экономику возможности перезапуска «снизу» [17].

Российская приватизация сопровождалась массовым снижением статуса аграрного сектора: дешевое распределение паев, отсутствие долговременных программ реструктуризации, низкая ликвидность новых активов, отсутствие фонда поддержки реального села. В результате сектор стал источником воспроизводства фамильных кланов региона, лишив миллионы бывших работников сельхозпредприятий доступа к реальным инвестициям [12].

Международное измерение и роль западных советников. Залоговые аукционы 1995 г. не могли быть рассмотрены в изоляции от их международного контекста. Программа Harvard Institute for International Development, финансируемая USAID (объем финансирования — 57,7 млн долл. США за период 1992–1997 гг.), позиционировала себя как ведущий источник экспертизы в области экономических реформ в России. Ключевые фигуры этой программы — Андрей Шлейфер (теоретик приватизации и «деполитизации» фирм) и Джонатан Хей (юрист, разрабатывавший правовые основы фондового рынка) — оказывали прямое влияние на разработку нормативных актов, определявших архитектуру приватизации и залоговых аукционов.

Шлейфер в своих работах, в особенности в совместных публикациях с Максимом Бойко и Робертом Вишни, утверждал, что приватизация создает самоподдерживающийся механизм развития рыночных институтов: новые собственники, заинтересованные в защите своей собственности, будут лоббировать развитие правовой системы и судебной независимости, что приведет к эндогенному формированию «принципа главенства закона» (rule of law) в экономической сфере [30]. Однако эта теория игнорировала возможность того, что новые собственники, получившие контроль над высокорентабельными активами в отсутствие развитых правовых институтов, в действительности будут заинтересованы в том, чтобы сохранять свои активы в слабом и коррумпированном состоянии, что позволит владельцам безопасно извлекать ренту и выводить активы [45].

Впоследствии, как уже отмечалось, в результате американского судебного разбирательства (2000–2004 гг.), было установлено, что Шлейфер и Хей находились в конфликте интересов: они самостоятельно инвестировали в российские

активы и создавали фирмы для ведения бизнеса в России во время осуществления государственного контракта с USAID. Суд признал это нарушением условий контракта (False Claims Act), вследствие чего Гарвард и нарушители выплатили штрафы в сумме 26,5 млн долл. США (Гарвард) и до 2 млн долл. США (индивидуально) [64, 60].

Данный прецедент стал символом ограниченности западного экспертного подхода к переходным экономикам. Предполагаемая универсальность модели «шоковой терапии» и быстрой приватизации в действительности оказалась зависима от локального институционального контекста, который в России был принципиально не готов к такому переходу. Сочетание слабости государства, высокой коррупции, отсутствия традиций корпоративного управления и судебной независимости создавало среду, в которой «рыночные стимулы» трансформировались в механизмы администрирования перераспределения собственности и преемственности власти.

Таким образом, залоговые аукционы 1995 г. представляют собой уникальный случай в истории переходных экономик — систему приватизации, которая формально имитировала рыночные процедуры, однако по содержанию являлась механизмом политически направленного перераспределения государственной собственности. Дефицит конкурентности, прозрачности, оценки активов и одновременного развития институтов корпоративного управления предопределили превращение залоговых аукционов в узловую точку формирования олигархической системы и долгосрочной деградации экономических стимулов.

Залоговые аукционы демонстрируют все признаки того, что в теоретической части названо «институциональной ловушкой»: передача формальных прав собственности без развития механизмов их защиты привела не к стимулированию эффективного управления активами, а к их массовому выводу и преобразованию в инструмент извлечения административной ренты. Процесс характеризовался как макроэкономической поддержкой (финансирование дефицита бюджета), так и политической целесообразностью (консолидация власти накануне выборов 1996 г.), но в итоге создал структуру, которая, согласно теории «эффекта колеи», привела к долгосрочному замораживанию возможности институциональной модернизации.

Актуальные тенденции и долгосрочные институциональные эффекты приватизации в России (2020–2025). Современная динамика приватизации в России подтверждает сохранение структурных проблем, обозначенных еще в реформаторской повестке 1990-х гг. Несмотря на очередные попытки «большой приватизации», отмечается хроническая несопоставимость объемов поступающих в бюджет доходов с масштабом реализуемых активов [61, 6]. За 2025 г. бюджет был пополнен на 27–90 млрд рублей по разным секторам, тогда как заявленная цель превышает 100 млрд, а реальный дефицит государственного бюджета исчисляется триллионами [3].

По-прежнему сохраняются риски недооценки активов, отсутствие прозрачной отчетности при дополнительных эмиссиях, минимальная защита миноритарных инвесторов [1]. Эксперты подчеркивают: если контроль над приватизируемыми объектами будет сосредоточен в руках узкой группы лиц, реальных институциональных перемен не произойдет. Продвигаемые меры, такие как цифровизация

приватизационных торгов (через инвестиционные приложения, SPO), не способны устранить главный структурный дефект — отсутствие институционального фильтра справедливого распределения собственности [9].

Акцент на продаже малых и средних активов (гостиницы, базы отдыха, предприятия регионального уровня) лишь частично снижает государственные издержки, но не обеспечивает устойчивого развития национальной экономики. Стратегические объекты по-прежнему остаются под контролем государства или государственного капитала.

Без реформирования системы корпоративного управления, институциональной прозрачности и правовой обратимости сделки сохраняют структурную уязвимость. Эксперты выделяют три ключевых негативных сценария:

- потеря государством контроля над стратегическими активами;
- скупка акций узкими клановыми группами;
- снижение инвестиционного интереса из-за размывания стоимости долей и недооценки активов [62].

Рынок труда продолжает испытывать давление — миграция квалифицированных кадров, ограниченный приток вложений в инновационный сектор, стагнация реального среднего бизнеса и невысокая мотивация предпринимательской активности [54].

Анализ институционального ответа общества и государства на проблемы приватизации показывает амбивалентность: политический и экономический блоки власти оспаривают приоритеты между капитализацией рынка и сохранением контроля над ключевыми ресурсами. Генеральная прокуратура до сих пор пересматривает эпизоды приватизации 1990-х, пытаясь на основе юридических процедур обеспечить возврат незаконно полученных активов, но без единого институционального основания такие шаги воспринимаются скорее как политическая акция, чем восстановление порядка [13].

Международные оценки российской приватизации фиксируют ограниченность положительных эффектов продажи госсобственности, особенно на фоне структурного дефицита институционального доверия, загруженности бюджетных программ и социальной неустойчивости корпоративных решений [46, 38].

Приватизация в России при формальном успехе «смены собственности» оказалась главным институциональным тормозом всеобщей модернизации. Экономика деградировала к модели ресурсной, экспортно-сырьевой или бюрократической монополии; развиваться могли только те сектора, где полностью отсутствовала административная или политическая рентабельность.

Главный вывод: не форма права критична, а последовательность и качество институциональных преобразований. Любая попытка быстрой передачи собственности без культурного и институционального консенсуса обречена на циклическое повторение сценария «раздела» и реституции с точкой невозврата в виде глубокой культурной и экономической травмы для общества, государства и будущих поколений [16, 38].

Институциональная реституция и усиление публичного контроля должны стать приоритетом экономической политики: только признание ошибок,

последовательная правовая регуляция, корпоративная реформа и открытость смогут обеспечить долгосрочное доверие к институту собственности, сбалансировать бюджетные интересы и создать пространство для эффективной индустриализации.

Во второй статье, в продолжение исследования, будут подробно рассмотрены социально-политические и экономические последствия залоговых аукционов 1995 г. и проведен сравнительный анализ моделей приватизации в постсоциалистических экономиках: институциональные условия и долгосрочные экономические исходы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов А.Е., Акшенцева К.С., Чернова М.И.* Анализ соответствия системы регулирования финансовой сферы уровню развития экономики // SSRN Working Paper. 2024. https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID2599405 (дата обращения: 04.11.2025).
2. Гарвардские консультанты заигрались в России судебная практика // Коммерсантъ. 2004. 30 июня. <https://www.kommersant.ru/doc/486423> (дата обращения: 17.11.2025).
3. Доходы федерального бюджета от приватизации в 2025 году составят 90 млрд рублей // Газета.Ru. 27 августа 2025. <https://www.gazeta.ru/business/news/2025/08/27/26589464.shtml> (дата обращения: 04.11.2025).
4. Залоговые аукционы в России // Руни. https://xn--hlajim.xn--plai/%D0%97%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5_%D0%B0%D1%83%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D1%8B_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 17.11.2025).
5. Залоговые аукционы в России в ноябре-декабре 1995 года // ТАСС. 2016. 28 октября. <https://tass.ru/info/3114781> (дата обращения: 17.11.2025).
6. За первое полугодие 2025 года приватизация принесла 27,5 млрд руб. // Известия. 22 августа 2025. <https://iz.ru/1940706/> (дата обращения: 04.11.2025).
7. Итоги залоговых аукционов в 1995 году // Коммерсантъ. 1995. 30 декабря. <https://www.kommersant.ru/doc/124925> (дата обращения: 17.11.2025).
8. История залоговых аукционов в России. Справка // РИА Новости. 2011. 28 октября. <https://ria.ru/20111028/473520326.html> (дата обращения: 17.11.2025).
9. Как долгосрочные планы приватизации могут снизить издержки национализации // Forbes Russia. 2025. <https://www.forbes.ru/> (дата обращения: 04.11.2025).
10. Как Россия попала в заложницы олигархов // Время и Деньги. 2016. 17 ноября. <https://e-vid.ru/ekonomika/171120/kak-rossiya-popala-v-zalozhnicu-oligarkhov> (дата обращения: 17.11.2025).
11. *Кирсанов Р.Г.* Приватизация в России в 1990-е годы: сложности и противоречия формирования института частной собственности // Экономическая история: ежегодник. 2021. С. 380–406.
12. *Кирчик О.П.* Земельная реформа: 1990–2002 // Отечественные записки. 2004. № 1 (16) С. 84–95.
13. Конституционный суд РФ разрешил пересматривать дела о приватизации в 1990-х // Налог и законы. 13 мая 2025. <https://www.gipernn.ru/> (дата обращения: 04.11.2025).
14. *Лапаева В.В.* Приватизация социалистической собственности: конституционно-правовой и философско-правовой анализ // Юридические исследования. 2014. № 2. С. 1–46. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=10985 (дата обращения: 04.11.2025).
15. *Лапина Н.Ю.* Российская приватизация: история, динамика, результаты // Приватизация в России и других странах СНГ. М.: ИНИОН РАН. 2003. С. 13–55. https://inion.ru/site/assets/files/2601/2003_privatiz_ros_dr_str.pdf (дата обращения: 04.11.2025).
16. *Лякин А.Н.* Российская приватизация и формирование корпоративного управления: монография. Санкт-Петербург. 2003. <https://pureportal.spbu.ru/files/86590456/2891.pdf> (дата обращения: 04.11.2025).

17. Мовчан А. «Памяти российских банков: как перезагрузить неработающую систему» // РБК. 2017. 18 сентября. <https://www.rbc.ru/opinions/finances/18/09/2017/59bf93dc9a7947cadd44a0b3> (дата обращения: 4 ноября 2025).
18. Олейник Т.В. «Российская олигархия: становление и политический триумф (1995–1999 гг.)» // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С. 67–72. <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-oligarhiya-stanovlenie-i-politicheskiy-triumf-1995-1999-gg> (дата обращения: 4 ноября 2025).
19. Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики / А. Ослунд ; пер. с англ. М. : Республика. 1996. 430 с. ISBN 5-250-02602-8
20. Панин Я.Ш. Олигархи. Экономическая хроника 1992–2000. М., 2000.
21. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–20.
22. Российская экономика в 2013 году. Тенденции и перспективы (Выпуск 35). Раздел 6. Институциональные проблемы / Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. 2014. С. 385–539. URL: <https://www.iep.ru/files/text/trends/2013/2013.pdf> (дата обращения: 03.11.2025).
23. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело. 2001. 407 с.
24. Ясин Е.Г. Российская приватизация: еще один взгляд // Вопросы экономики. 2000. № 5. С. 4–19.
25. Acemoglu D., Robinson J.A. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth. 2005. Vol. 1A. P. 385–472.
26. Ahrend R. Fifteen Years of Economic Reform in Russia: What has been Achieved? What Remains to be Done? / R. Ahrend, W. Tompson // OECD Economics Department Working Papers. 2005. No. 430. P. 1–71. — DOI: 10.1787/766476734748
27. Åslund A. Russia – The Arduous Transition to a Market Economy / A. Åslund. Washington : Peterson Institute for International Economics. 1995. 72 p.
28. Baltowski M., Mickiewicz T. Privatization in Poland: Ten Years After // Post-Communist Economies. 2000. Vol. 12. № 4. P. 425–443.
29. Becker G.S., Landes W.M., Posner R.A. An Economic Analysis of Alter Ego and Related Concepts // Journal of Legal Studies. 1977. Vol. 6. № 2. P. 281–308.
30. Boycko M., Shleifer A., Vishny R. Privatizing Russia. Cambridge, MA : MIT Press. 1995. 176 p.
31. Brown J.D., Earle J.S., Telegdy Á. The Productivity Effects of Privatization: Longitudinal Estimates from Hungary, Romania, Russia, and Ukraine // Journal of Political Economy. 2006. Vol. 114. № 1. P. 61–99.
32. Coase R.H. The Nature of the Firm // Economica. 1937. Vol. 4. № 16. P. 386–405.
33. Coase R.H. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3. P. 1–44.
34. David P.A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2. P. 332–337.
35. Demsetz H. Toward a Theory of Property Rights // American Economic Review. 1967. Vol. 57. № 2. P. 347–359.
36. Djankov S., Murrell P. Enterprise Restructuring in Transition: A Quantitative Survey // Journal of Economic Literature. 2002. Vol. 40. № 3. P. 739–792.
37. Edmond C. Post Soviet Russia: Challenges to Transition and Modernization // Political Science & Geography Faculty Publications. 2025. Paper 70. P. 1–30. DOI: 10.25776/eqb5-5a12
38. Ellerman D. Russia: Thoughts on the Privatization Debates a Decade Later // World Bank. 2024. URL: <https://documents.worldbank.org/> (дата обращения: 04.11.2025).
39. Fenton N. Down But Not Out: The Russian Economy Under Western Sanctions / N. Fenton, A. Kolyandr. Washington: Center for Strategic and International Studies. 2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/down-not-out-russian-economy-under-western-sanctions> (дата обращения: 17.11.2025).
40. Filip M.D., Setzer R. The impact of regional institutional quality on economic growth and resilience in the EU. ECB Working Paper No. 3045. 2024.

41. *Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A.* Do Institutions Cause Growth? // *Journal of Economic Growth*. 2004. Vol. 9. № 3. P. 271–303.
42. *Hedlund S.* Path Dependence in Russian Policy Making: Constraints on Putin's Economic Choice / *Communist and Post-Communist Studies*. 2000. Vol. 33. No. 4. P. 389–407. DOI: 10.1080/14631370050216470
43. *Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D.* Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption, and Influence in Transition. World Bank Policy Research Working Paper No. 2444, 2000.
44. *Hoff K., Stiglitz J.E.* After the Big Bang? Obstacles to the Emergence of the Rule of Law in Post-Communist Societies // *American Economic Review*. 2004. Vol. 94, № 3. P. 753–763.
45. *Hoff K.* The Creation of the Rule of Law and the Legitimacy of Property Rights: The Political and Economic Consequences of a Corrupt Privatization / K. Hoff, J. E. Stiglitz // NBER Working Paper. 2005. No. 11772. P. 1–44. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w11772/w11772.pdf (дата обращения: 17.11.2025).
46. IMF. External Sector Report: Individual Economy Assessments. July 2025. <https://www.imf.org/> (дата обращения: 04.11.2025).
47. *Johnson J.* Path Contingency in Postcommunist Transformations // *Comparative Politics*. 2001. Vol. 33. № 3. P. 253–274.
48. *King L.P.* Shock Privatization: The Effects of Rapid Large-Scale Privatization on Enterprise Restructuring // *Politics & Society*. 2003. Vol. 31. No. 1. P. 3–30. DOI: 10.1177/0032329202250157
49. *Marichev S.* Path Dependence And Its Influence On Socio-Economic Development / S. Marichev // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2021. Vol. 104. DOI: 10.15405/epsbs.2021.04.68
50. *McFaul M.* State Power, Institutional Change, and the Politics of Privatisation in Russia // *World Politics*. 1995. Vol. 47. No. 1. P. 210–243.
51. *Meggison W.L., Netter J.M.* From State to Market: A Survey of Empirical Studies on Privatization // *Journal of Economic Literature*. 2001. Vol. 39. № 2. P. 321–389.
52. *North D.C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. 152 p.
53. *Novokmet F., Piketty T., Zucman G.* From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // *The Journal of Economic Inequality*. 2018. Vol. 16. № 2. P. 189–223.
54. OECD. Boosting Productivity in Russia // *OECD Economics Working Papers*. No. 2015/7. Paris: OECD. 2015. <https://www.oecd.org/> (дата обращения: 04.11.2025).
55. *Osborn E.A.* Attitudes toward Privatization in Poland, Hungary, and the Czech Republic: A Cross-National Comparison // *International Journal of Sociology*. 1998. Vol. 28. No. 2. P. 36–64.
56. *Pierson P.* Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // *American Political Science Review*. 2000. Vol. 94. № 2. P. 251–267.
57. *Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F.* Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development // *Journal of Economic Growth*. 2004. Vol. 9. № 2. P. 131–165.
58. *Roland G., Verdier T.* Law Enforcement and Transition // *European Economic Review*. 2003. Vol. 47. № 4. P. 669–685.
59. *Roland G.* Transition and Economics: Politics, Markets, and Firms. Cambridge: MIT Press. 2000. 350 p.
60. Russia Case (and Dust) Settle // *Harvard Magazine*. 2005. November. <https://www.harvard-magazine.com/2005/11/russia-case-and-dust-set-html> (дата обращения: 17.11.2025).
61. Russia to revive privatisation drive with seven large stake sales // *Reuters*. 18 марта 2025. <https://www.reuters.com/markets/europe/russian-finance-ministry-plans-revive-mass-privatisation-drive-2025-03-18/> (дата обращения: 04.11.2025).
62. Russia's prosecutor general: claims/assets figures (Krasnov) // *Reuters*. 19 марта 2025. <https://www.reuters.com/world/europe/russian-state-has-claimed-assets-worth-287-billion-prosecutor-says-2025-03-19/> (дата обращения: 04.11.2025).
63. *Sachs J.* Shock Therapy in Poland: Perspectives of Five Years. Stanford: Stanford University. 1995.

64. *Seward Z.* Harvard To Pay \$26.5 Million in HIID Settlement // The Harvard Crimson. 2005. 29 July. <https://www.thecrimson.com/article/2005/7/29/harvard-to-pay-265-million-in/> (дата обращения: 17.11.2025).
65. *Simoneti M., Estrin S., Bohm A.* The Governance of Privatization Funds: Experiences of the Czech Republic, Poland and Slovenia. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 1999. 256 p.
66. *Singer M., Svejnar J.* Using Vouchers to Privatize an Economy: The Czech and Slovak Case. World Bank Working Paper. 1994.
67. *Stiglitz J.E.* Whither Socialism? Cambridge: MIT Press. 1994. 338 p.
68. *Tullock G.* The Economics of Special Privilege and Rent Seeking. Boston: Kluwer Academic Publishers. 1989. 334 p.
69. *Williamson O.E.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38. № 3. P. 595–613.
70. World Bank. Transition: The First Ten Years – Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union. Washington: World Bank. 2002.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Костиков Игорь Владимирович — д-р экон. наук, проф., Национальный институт финансовых рынков и управления, Москва, Российская Федерация

E-mail: ikostikov@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-6071-7105>

ABOUT THE AUTHOR

Kostikov, Igor V. — Ph. D. (Economics), Full Professor, National Institute for Financial Markets and Governance, Moscow, Russian Federation

E-mail: ikostikov@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-6071-7105>

Поступила в редакцию 26.11.2025

Принята к публикации 15.12.2025

Received November 26, 2025

Accepted December 15, 2025